

Социально-экономические факторы неравенства в доступе к системе образования среди лиц с инвалидностью: эконометрический анализ

Карен Алексеевич Аванесян

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия, e-mail: avanesian@sfedu.ru

Марина Александровна Боровская

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия, e-mail: bma@sfedu.ru

Маргарита Сергеевна Астоянц

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия, e-mail: mastoyanc@sfedu.ru

Лариса Викторовна Тарасенко

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия, e-mail: ltarascenko@sfedu.ru

Цитирование: Аванесян К.А., Боровская М.А., Астоянц М.С., Тарасенко Л.В. (2022). Социально-экономические факторы неравенства в доступе к системе образования среди лиц с инвалидностью: эконометрический анализ. *Terra Economicus* 20(4), 87–98. DOI: 10.18522/2073-6606-2022-20-4-87-98

В статье рассматриваются социально-экономические факторы неравенства в доступе к системе образования среди детей и молодежи с инвалидностью. Вопросы исследования касаются дискриминации, сопровождающей детей и молодежь с инвалидностью в возрасте от 3 до 24 лет, что соответствует нормативному пребыванию человека в системе образования, начиная с дошкольного и заканчивая высшим. На основе проведенного авторами анализа было выявлено, что лица с инвалидностью имеют статистически значимо меньшую вероятность быть включенными в образовательный процесс, и эти различия особенно сильны на стадии дошкольного образования и после 15 лет, что нормативно соответствует окончанию основной общей школы. Эконометрический анализ выявил устойчивую связь между участием лиц с инвалидностью в системе образования и такими факторами, как бедность, место проживания, а также вид ограничения здоровья. Статья заканчивается рекомендациями для социальной политики по включению лиц с инвалидностью в образовательный процесс.

Ключевые слова: инвалидность; инклюзивность; система образования; рынок труда; равенство возможностей; эконометрический анализ

Финансирование: Работа выполнена при финансовой поддержке Южного федерального университета, 2022, № ВнГр-07/2020-02-АП.

Socio-economic factors behind inequality in the access to education amongst people with disabilities: An econometric analysis

Garen Avanesian

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, e-mail: avanesian@sfedu.ru

Marina Borovskaya

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, e-mail: bma@sfedu.ru

Margarita Astoyants

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, e-mail: mastoyanc@sfedu.ru

Larisa Tarasenko

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, e-mail: lvtarasenko@sfedu.ru

Citation: Avanesian G., Borovskaya M., Astoyants M., Tarasenko L. (2022). Socio-economic factors behind inequality in the access to education amongst people with disabilities: An econometric analysis. *Terra Economicus* 20(4), 87–98 (in Russian). DOI: 10.18522/2073-6606-2022-20-4-87-98

The article examines the socio-economic factors of inequality in access to the education system among children and youth with disabilities. The research question relates to the discrimination that accompanies children and youth with disabilities aged 3 to 24 years, which corresponds to the official age of a person to study, from the pre-primary to higher education. We found that persons with disabilities are statistically significantly less likely to be included in the education, and these differences are especially stark at pre-primary school and after 15 years of age, which normatively corresponds to the end of the lower secondary school. An econometric analysis revealed that the educational attendance of people with disabilities is consistently associated with such factors as poverty, place of residence, and the type of disability. The article ends with recommendations for social policy on the inclusion of persons with disabilities in the educational process.

Keywords: disability; inclusiveness; education system; labor market; equality of opportunity; econometric analysis

Funding: The research is supported by Southern Federal University, 2022, project № ВнГр-07/2020-02-АИ.

JEL codes: I24, J14, J24, Z13

Введение

С точки зрения представлений о социальной справедливости образование является «великим уравнивателем» (great equalizer). Задача государственного образования – предоставление равных шансов на овладение ключевыми навыками и компетенциями, необходимыми для социально-экономической вовлеченности субъектов. Тем не менее реальность функционирования системы образования, вход в которую открыт с раннего детства, не всегда в полной степени удовлетворяет

условию равенства возможностей: многочисленные исследования, в том числе на российском материале, свидетельствуют о многомерном характере неравенства в доступе к системе образования (Рощина, 2012; Косарецкий и др., 2014; Косарецкий и др., 2015; 2016; Косякова и др., 2016). Одной из основных групп риска в данном контексте являются лица с инвалидностью. Ключевая сложность обеспечения качественным образованием представителей этой группы сопряжена с рядом институциональных факторов, характеризующих инклюзивность образовательной среды. Чтобы подчеркнуть специфическую природу спроса на образование среди лиц с инвалидностью, в научной литературе их также называют обучающимися с особыми образовательными потребностями. Вопреки предпринятым шагам по развитию антидискриминационного законодательства в отношении инвалидов в России, они по-прежнему являются уязвимой группой с более низким уровнем жизни, образования и занятости (Демьянова, Лукьянова, 2016). Так как одним из важнейших последствий низкой вовлеченности инвалидов в профессиональное образование и трудовую деятельность являются высокие расходы государственного бюджета на поддержку данной группы лиц (там же), разработка институциональных мер по повышению инклюзивности системы образования и устранению дискриминации на рынке труда позволит лицам с инвалидностью не только иметь больше возможностей для повышения качества жизни, но и снизить затраты государства на их содержание.

Необходимость инклюзивности системы образования и рынка труда стабильно прослеживается в международной повестке дня. Так, четвертая цель устойчивого развития (далее – ЦУР) делает упор на равенство в возможностях качественного непрерывного образования, особенно в отношении уязвимых групп (какими являются лица с инвалидностью), а восьмая ЦУР акцентирует право каждого на достойный труд. Существующие данные свидетельствуют, что дети с инвалидностью не всегда имеют равный доступ к системе образования. Эконометрический анализ данных на примере 15 стран из низко- и среднедоходной групп показал, что коэффициент охвата школьным образованием для детей с инвалидностью значительно ниже, и предсказанная вероятность посещения школы для детей-инвалидов в среднем на 30% меньше (Mizunoya et al., 2018).

Поэтому обеспечение равных возможностей в образовательных и трудовых результатах для учащихся с инвалидностью определяет приоритет не только образовательной, но и социальной политики. Причем существующие исследования демонстрируют, что включение детей с инвалидностью в систему образования должно начинаться с самых ранних лет и обучение на дошкольном этапе играет существенную роль в эффективном накоплении человеческого капитала индивидом. Эконометрические работы показывают, что каждый доллар, инвестированный в качественное дошкольное образование для детей из уязвимой среды, возвращается обществу ежегодной 10-процентной прибылью на протяжении жизненного цикла ребенка (Heckman et al., 2010; Black et al., 2017). Это происходит ввиду усиления академических и карьерных достижений, которые позволяют государству уменьшить расходы, направленные на проблемы здоровья, криминала, инвалидности и т. д., возникающие ввиду недооценки важности развития в раннем детстве и создания равных возможностей для получения дошкольного образования (Black et al., 2017). Необходимость подготовки к начальной школе также заложена в ЦУР индикатором 4.2.2 – участие в организованном обучении, под которым понимается, что каждый ребенок должен пройти подготовительное обучение в возрасте на год раньше официального поступления в начальную школу.

Несмотря на законодательно закрепленные меры, гарантирующие инвалидам необходимые условия для получения образования (последняя редакция ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» от 1995 г. получила новую редакцию в 2021 г.), реализация прав инвалидов на образование сопряжена с целым рядом проблем, связанных с реформированием системы образования и социальной политики в отношении инвалидов (Ярская-Смирнова, Романов, 2005). Это противоречие подчеркивает институциональные проблемы, связанные с учетом особых образовательных потребностей школьников с инвалидностью в получении профессионального образования (Курбангалеева, Веретенников, 2017; Хавестон, Чиркина, 2019). Иными

словами, очевидно несоответствие, наблюдаемое между системами спроса и предложения образования. Эта ситуация налагает дополнительные риски на и без того уязвимые группы школьников-инвалидов, не оставляя им почти никаких шансов догнать своих сверстников без инвалидности. Если у школьников нет возможности получить качественное образование и приобрести ключевые профессиональные навыки, высока вероятность, что у них не появится источников достойного дохода.

Взаимосвязь между социально-экономическим статусом и материальным благосостоянием семьи с ребенком-инвалидом отчетливо засвидетельствована в международной исследовательской литературе (Hoogeveen, 2005; Rischewski et al., 2008; Palmer et al., 2010; Mitra et al., 2013; Trani and Loeb, 2012). Более того, фактор материального благосостояния семьи – один из ключевых в доступе к системе образования на всех этапах среди детей с инвалидностью, так как исключенность из школы является статистически значимым медиатором во взаимоотношении между инвалидностью и бедностью во взрослом возрасте (Mizunoya et al., 2018).

В исследованиях российских ученых проблема образования детей с инвалидностью из беднейших слоев населения не проработана столь детально. Тем не менее, согласно данным Росстата за 2016 г., при том что доходы ниже прожиточного минимума имели 13,4% от общей численности населения, уровень бедности среди взрослых инвалидов составляет около 20%. Если же в составе домохозяйства есть хотя бы один ребенок, то риски бедности составляют уже около 30%, и чем больше размер домохозяйства, тем выше дефицит дохода (Хасанова, Макаренцева, 2018). Очевидно, что школьники с инвалидностью сталкиваются с дополнительными рисками бедности, так как их доступ к образованию и возможностям на рынке труда ограничен. Данные по взрослому населению подтверждают, что российский рынок труда не является в достаточной степени инклюзивным и демонстрирует дискриминацию в отношении лиц с инвалидностью. Так, «в 2014 г. уровень занятости среди инвалидов составлял всего 12,1%, что в 5 раз ниже, чем в среднем по стране; а уровень безработицы среди инвалидов – 19,4%, что в 4 раза превышает средние показатели» (Демьянова, Лукьянова, 2016: 50).

В данной работе мы пытаемся найти ответ на следующий исследовательский вопрос: можно ли говорить, что инвалиды, дети и молодежь в возрасте, нормативно соответствующем периоду получения общего и профессионального образования, дискриминированы в отношении доступа к системе образования, начиная от дошкольного и включая высшее? Иными словами, существует ли разрыв в доступе к образованию между лицами с инвалидностью и остальными детьми и молодежью. Вспомогательный вопрос будет состоять в выявлении институциональных и социально-экономических факторов, сопряженных с неравенством в доступе к системе образования для лиц с инвалидностью.

Эмпирическую базу исследования составляют данные проводимого Росстатом Выборочного наблюдения качества и доступности услуг в сферах образования, здравоохранения и социального обслуживания, содействия занятости населения за 2021 г. Также федеральные данные статистических обследований позволяют проанализировать ситуацию с макроэкономическими показателями системы образования и участия в ней лиц с инвалидностью.

Данные и методы

В качестве эмпирической базы исследования мы использовали данные Выборочного наблюдения качества и доступности услуг в сферах образования, здравоохранения и социального обслуживания, содействия занятости населения за 2021 г., проводимого Росстатом. Из национально-репрезентативной выборки домохозяйств и индивидов выделена субвыборка детей и молодежи в возрасте от 3 до 24 лет. Данный интервал обусловлен нормативным возрастом вступления в систему образования (на уровне дошкольной подготовки) и выбытия из нее (на уровне высшего образования) при условии непрерывности траектории обучения индивида. Из 31 641 итоговых наблюдений 1,5% составляют дети и молодежь с различным типом инвалидности. Данные о параметрах выборки представлены в табл. 1.

Таблица 1

Параметры выборки

Пол							
Мужской – 51%				Женский – 49%			
Получаемый уровень образования							
Дошкольный – 16%							
Начальная школа (1–4 класс)– 20%							
Средняя школа (5–9 класс) – 27%							
Старшая школа (10–11 класс) – 9%							
Среднее профессиональное – 9%							
Высшее профессиональное – 8%							
Не обучаются – 11%							
Проживание							
Город – 64,5%				Сельская местность – 35,5%			
	Min	Mean	Median	Max	Sd	Skew	Kurtosis
Возраст, лет	3,0	12,6	12,0	24,0	5,7	0,2	–0,9
Среднедушевой доход домохозяйства, руб. в месяц	48	47 633	40 576	840 975	31 544	5,5	83,3

Источник: расчеты авторов¹

Анализ имеющихся данных проводился методом логистической регрессии, которая выражена следующим уравнением:

$$\log \frac{P(Y)}{1-P(Y)} = \alpha + \beta_1 X_1 + \beta_2 X_2 + \dots + \beta_n X_n + \varepsilon,$$

где Y – зависимая переменная, указывающая посещение образовательной организации в текущем академическом году ($Y = 1$, если респондент посещает образовательную организацию, и $Y = 0$ в остальных случаях); α – константа модели; X_n – предикторы модели; β_n – ассоциированные с предикторами коэффициенты изменения. Для простоты интерпретации логарифмы отношения шансов были конвертированы в предельные эффекты, которые представляют эффекты предикторов на вероятностной шкале от 0 до 1. Предельные эффекты имеют следующую формулу:

$$\Delta P = P_2(Y) - P_1(Y),$$

$$P(Y) = \frac{e^{\sum_{i=0}^n \beta_i X_i}}{1 + e^{\sum_{i=0}^n \beta_i X_i}}$$

$$\Delta P_{X_i} = P_{X_i=1}(Y) - P_{X_i=0}(Y),$$

$$P_{X_i}(Y) = \frac{e^{\alpha + \beta_1 \bar{X}_1 + \dots + \beta_i X_i + \dots + \beta_n \bar{X}_n}}{1 + e^{\alpha + \beta_1 \bar{X}_1 + \dots + \beta_i X_i + \dots + \beta_n \bar{X}_n}}$$

Анализ данных осуществлялся в R, lingua franca статистического программирования.

Результаты

Анализ, представленный в данной секции, ставит задачей рассмотреть влияние инвалидности на вероятность обучения в образовательной организации на макроуровне, а также выявить, в какой степени эта ве-

¹ Здесь и далее – на данных Выборочного наблюдения качества и доступности услуг в сферах образования, здравоохранения и социального обслуживания, содействия занятости населения 2021.

роятность ассоциирована с такими параметрами, как материальное положение семьи, место проживания и ряд других переменных. Профайлинг группы детей в возрасте от 3 до 24 лет, которым присвоена инвалидность, позволяет понять структуру данной когорты по ключевым социально-демографическим параметрам. Иными словами, фокусируясь на 1,5% детей и молодежи, которые обладают инвалидностью, профайлинг дезагрегирует уязвимую социальную группу по основным переменным, что позволяет информировать государственное регулирование в отношении того, на кого именно и на какие именно характеристики должны быть направлены меры поддержки. Профайлинг детей и молодежи с инвалидностью представлен на рис. 1.

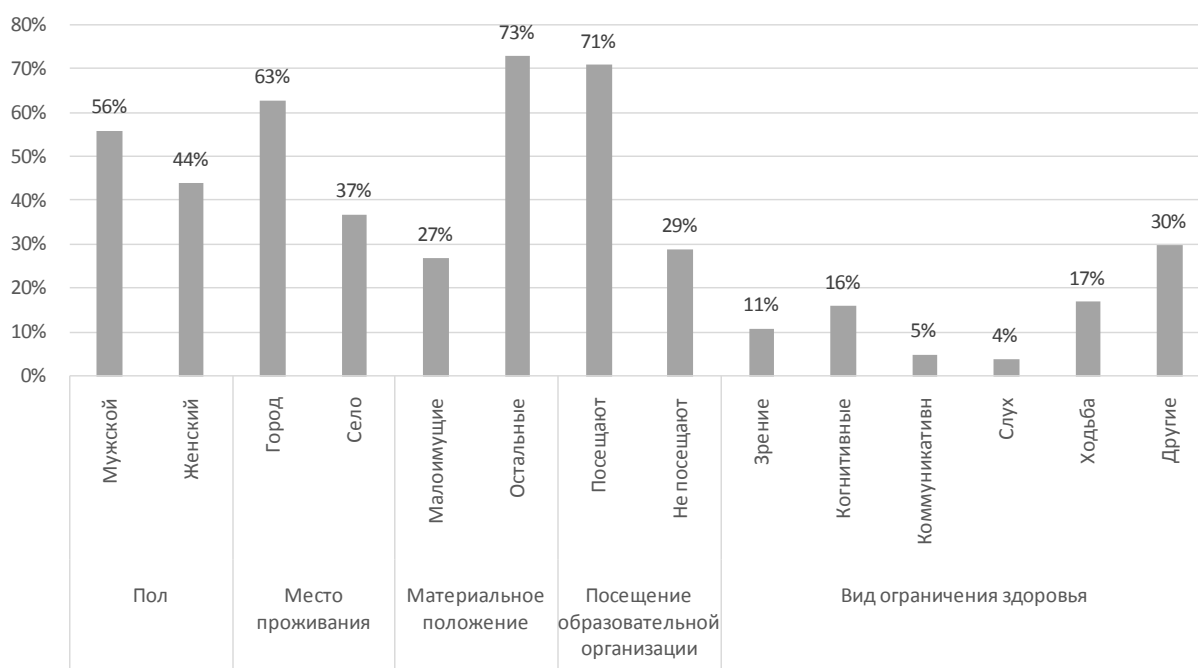

Рис. 1. Профиль детей и молодежи в возрасте 3–24 лет с инвалидностью

Источник: расчеты авторов

Описательный анализ данных позволяет изучить базовые социально-демографические характеристики детей и молодежи в возрасте от 3 до 24 лет с инвалидностью. Профайлинг данной группы указывает, что большинство лиц с инвалидностью приходится на мальчиков и молодых мужчин (56%). Хотя преимущественно дети и молодежь с инвалидностью проживают в городской местности, 37% инвалидов данной возрастной группы проживают в сельской зоне, что может обозначать дефицит в доступе к развитой инфраструктуре. Наконец, тот факт, что в среднем один из четырех детей с инвалидностью находится ниже нормативно установленной черты бедности, указывает на низкий уровень жизни и материальную депривацию более четверти всех детей и молодежи с инвалидностью в стране. Наконец, хотя большинство детей и молодежи с инвалидностью в возрасте, нормативно соответствующем обучению в образовательной организации, посещает ее, почти 30% не вовлечены в систему образования, что имеет серьезные негативные последствия для их включенности в общественную жизнь в целом и конкурентоспособности на рынке труда в частности. Стоит отметить, что описанный выше профайлинг уязвимой когорты не должен трактоваться в контексте устойчивых статистических взаимосвязей: представляя собой анализ описательных характеристик, приведенные расчеты во многом являются функцией статистического распределения в генеральной совокупности. Для выявления более устойчивых эффектов влияния места проживания, социально-экономического статуса и прочих характеристик на макроэкономические коэффициенты охвата образования в контексте инвалидности необходим регрессионный анализ.

Мы построили три регрессионные логит-модели с использованием данных Росстата. Все модели в качестве зависимой использовали бинарную переменную, указывающую на посещение респондентом образовательной организации (Да = 1, Нет = 0). Посредством первой регрессионной модели авторы преследовали цель посмотреть на всю выборку детей и молодежи в возрасте от 3 до 24 лет, чтобы оценить общую степень дискриминации в системе образования, а также измерить разрыв в охвате образованием, наблюдаемый в зависимости от факта наличия инвалидности. Вторая модель фокусировалась

на молодежи в возрасте от 16 до 24 лет. В качестве зависимой переменной использовалось посещение образовательной организации, при этом учитывалось только среднее профессиональное или высшее образование (Да = 1, Нет = 0). Таким образом, задача данной модели сводилась к оценке влияния ряда предикторов на вероятность получения детьми и молодежью в возрасте от 16 до 24 лет профессиональных навыков через систему формального образования. В третьей модели оценивается влияние статуса малоимущей семьи, количества несовершеннолетних детей и вида ограничения здоровья на посещение образовательного учреждения на ограниченной выборке детей и молодежи в возрасте от 3 до 24 лет, имеющих инвалидность. Результаты регрессионных моделей представлены в табл. 2.

Таблица 2

Результаты регрессионных моделей доступа к системе образования

	<i>Модель 1 Доступ к образованию (все респонденты в возрасте 3–24 года)</i>	<i>Модель 2 Доступ к среднему профессиональному или высшему образованию (все респонденты в возрасте 16–24 года)</i>	<i>Модель 3 Доступ к образованию (лица с инвалидностью в возрасте 3–24 года)</i>
Инвалидность	–1,12 (0,06)***	–0,2 (0,04)***	–
Средний доход	0,38 (0,02)***	0,02 (0,01)**	–
Населенный пункт: сельский	–0,03 (0,02)	0 (0,01)	–0,92 (0,36)*
Пол: женский	0,01 (0,02)	–0,02 (0,01)**	–0,19 (0,33)
Возраст ^2	–0,03 (0)***	–0,04 (0)***	–0,02 (0,01)*
Возраст	0,62 (0,01)***	1,55 (0,03)***	0,77 (0,21)***
Признак малоимущего населения	–	–	–0,83 (0,36)*
Количество детей до 17 лет в семье	–	–	0,05 (0,19)
Вид ограничения			
Зрение	–	–	–1,03 (0,66)
Когнитивные способности	–	–	–1,57 (0,5)**
Коммуникативные способности	–	–	–0,49 (0,75)
Слух	–	–	–0,95 (0,74)
Ходьба	–	–	–1,77 (0,49)***
<i>Федеральный округ</i>	контролируется	контролируется	контролируется
(Intercept)	–5,12 (0,2)***	–14,97 (0,3)***	–1,27 (1,1)
Pseudo R²	0,49	0,22	0,25
N	33 509	10 205	344

Примечание: *** $p\text{-value} < 0,0001$; ** $p\text{-value} < 0,001$; * $p\text{-value} < 0,01$.

Референтная группа для населенного пункта – городской, для пола – мужской, для вида ограничения здоровья – другие ограничения, для федерального округа – Центральный.

Источник: расчеты авторов

Функции на рис. 2 показывают, как меняется вероятность посещения образовательного учреждения в зависимости от возраста и статуса инвалидности. Результаты логит-модели свидетельствуют о дискриминации, которая сопровождает детей и молодежь с инвалидностью на протяжении их прохождения через систему общего и профессионального образования, начиная от 3 лет заканчивая 24 годами. Неравенство в доступе к системе образования наиболее заметно на ранних стадиях – дошкольной и ранней начальной школы, приходящихся на возраст до 7–8 лет, и более поздних, начиная с 15–16 лет, когда дети переходят от основного общего к среднему, среднему профессиональному и высшему образованию. Тем не менее даже в промежутке между обучением в начальной и основной общей школе шансы детей-инвалидов быть включенными в образование существенно ниже, чем у остальных детей.

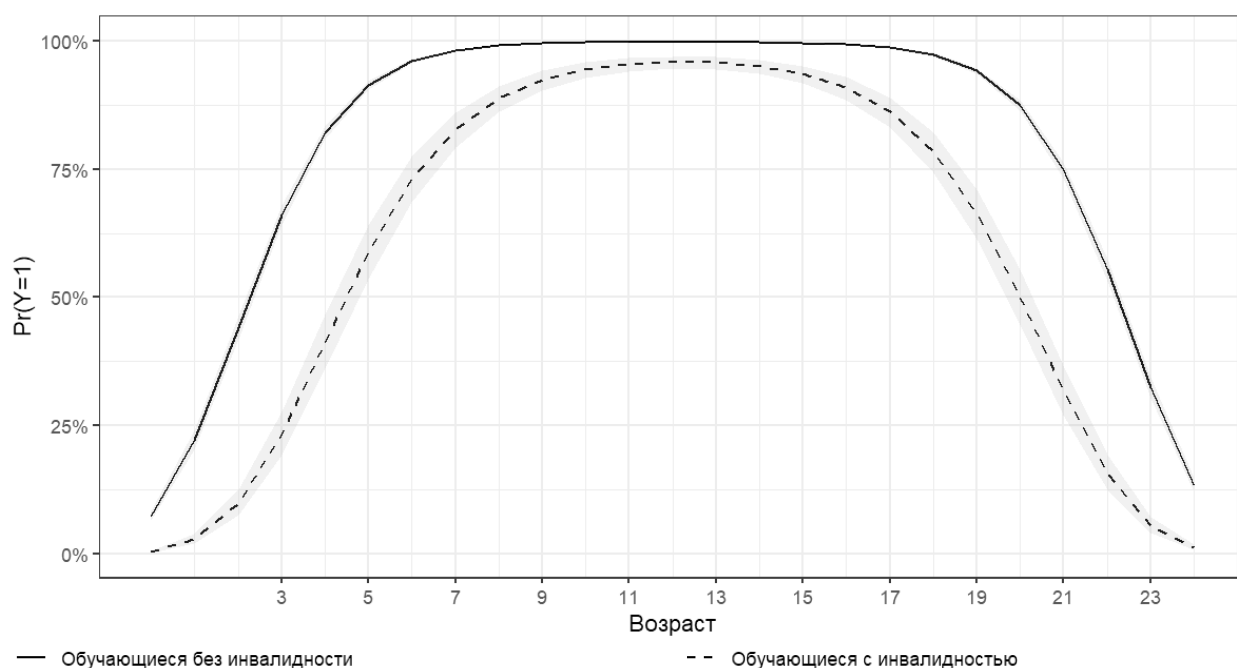

Рис. 2. Предсказанная вероятность охвата образованием в зависимости от возраста и статуса инвалидности среди детей и молодежи в возрасте от 3 до 24 лет (логит-модель)
 Источник: расчеты авторов

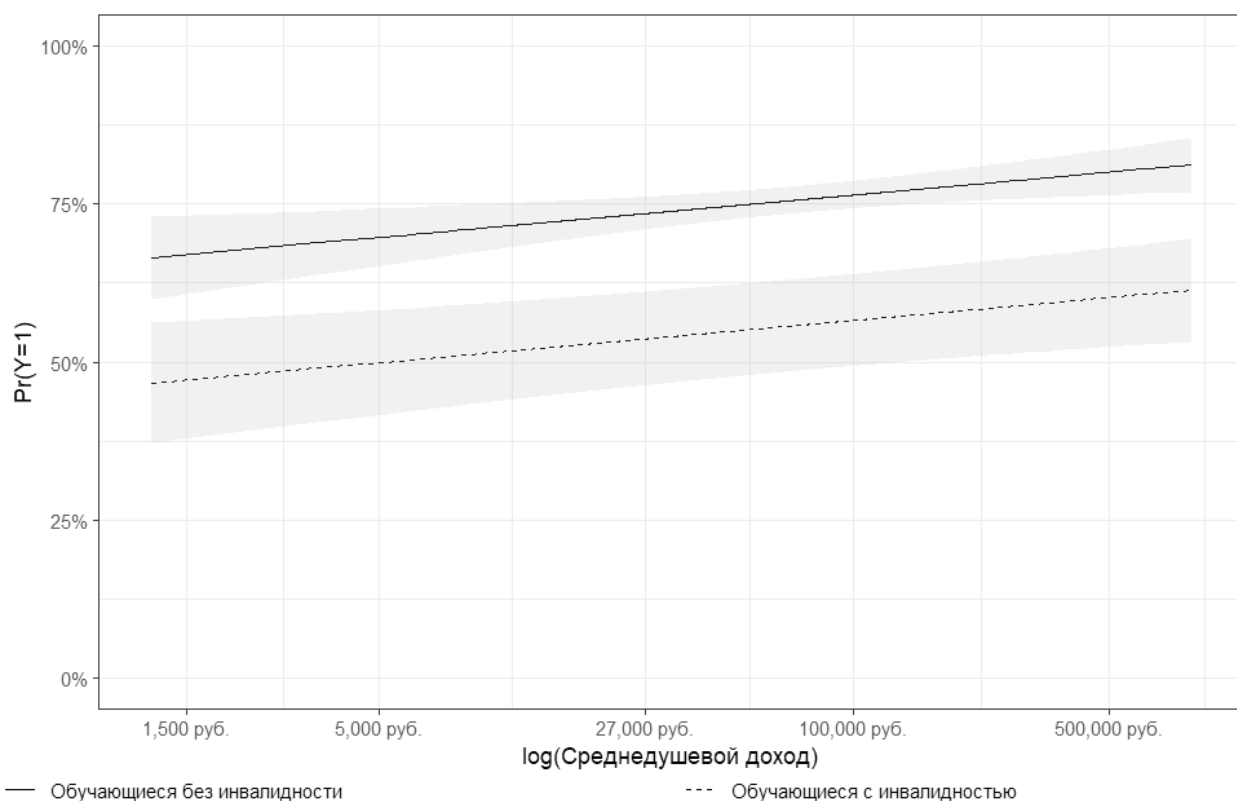

Рис. 3. Предсказанная вероятность охвата средним профессиональным или высшим образованием в зависимости от среднедушевого дохода домохозяйства и статуса инвалидности среди молодежи в возрасте 16–24 года (логит-модель)
 Источник: расчеты авторов

Рисунок 3 визуализирует модель, которая проверяет связь участия в среднем профессиональном и высшем образовании в зависимости от уровня среднедушевого дохода семьи и статуса инвалидности. Иными словами, представленные функции рассчитаны на выборке молодежи в возрасте от 16 до 24 лет, что нормативно соответствует ступеням среднего профессионального и высшего образования. На графике наглядно видно, что в случае обеих групп среднедушевой доход устойчиво ассоциирован с предсказанной вероятностью посещения образовательного учреждения среднего профессионального или высшего образования. Однако тренд, указывающий на среднедушевые доходы в семьях обучающихся с инвалидностью, имеет статистически значимо низкие значения на всех уровнях экономического положения семьи. Так, при среднедушевом медианном доходе, который в 2021 г. в России составил 27 036 руб.², предсказанная вероятность профессионального обучения для молодежи с инвалидностью на 20% ниже, чем у остальных. Более того, этот разрыв в вероятности является постоянным на протяжении всего тренда, демонстрируя исключение молодежи с инвалидностью и неравенство возможностей доступа к освоению профессиональных навыков через систему формального образования.

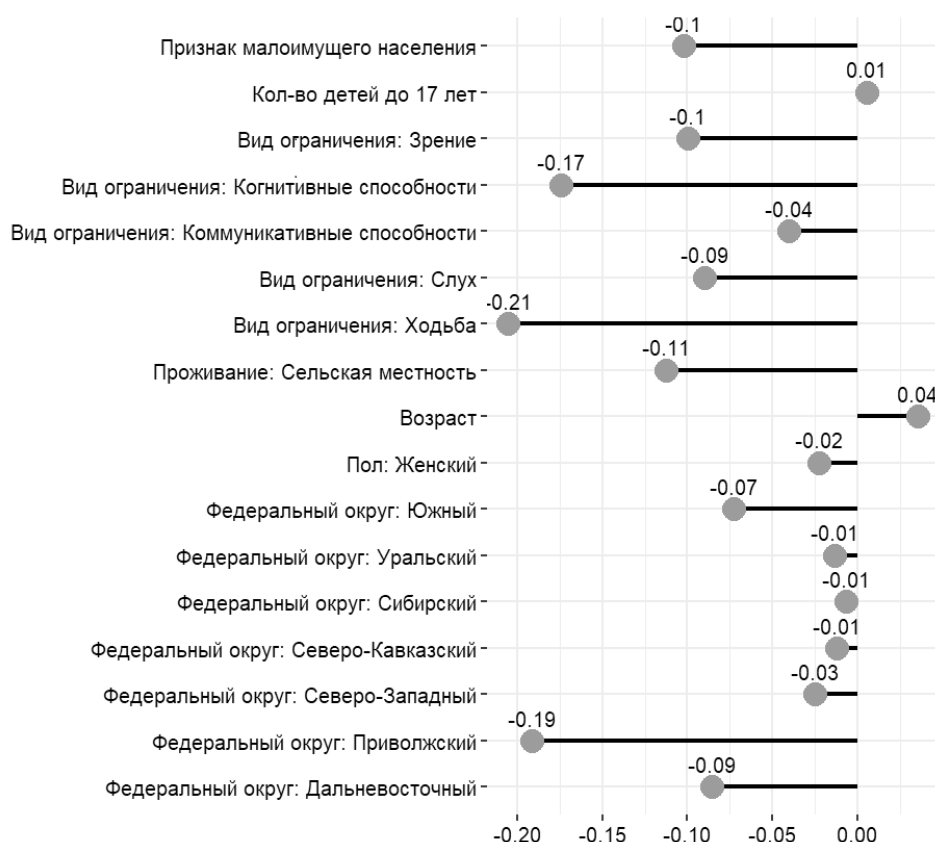

Рис. 4. Предсказанная вероятность посещения вузов в зависимости от наличия ограничений по здоровью и благосостояния домохозяйства

Референтная группа для населенного пункта – городской, для пола – мужской, для вида ограничения здоровья – другие ограничения, для федерального округа – Центральный.

Источник: расчеты авторов

На рис. 4 представлен предельный эффект влияния предикторов на вероятность посещения респондентами образовательных учреждений. Уровень образования ребенка напрямую зависит от благосостояния родителей. Поэтому экономический статус семьи как малоимущей до 10%

² Минтруд России. Минимальный размер оплаты труда в 2022 году вырастет на 6,4%. <https://mintrud.gov.ru/social/330> (дата обращения: 04.02.2022)

снижает вероятность посещения ребенком образовательного учреждения. По классификации, предложенной Росстатом, среди ответов респондентов на вопрос, по какому виду ограничения жизнедеятельности назначена инвалидность, наиболее значимыми оказались ограничения в ходьбе и когнитивных способностях. По сравнению с другими видами ограничений, когнитивные способности до 17%, а ходьба до 21% снижают вероятность посещения образовательных учреждений. Статистически значимое влияние также оказывают возраст и место проживания. Так, респонденты, проживающие в сельской местности, на 11% меньше имеют вероятность быть охваченными образованием, чем городские жители.

Рекомендации и выводы

В настоящей статье мы проанализировали влияние инвалидности на вероятность включения детей и молодежи в систему образования. Выявлено, что инвалидность в когорте детей и молодежи в возрасте от 3 до 24 лет устойчиво связана с низким уровнем достатка, местом проживания и полом. Профайлинг детей и молодежи с инвалидностью показал, что приоритетной задачей государственного регулирования в данной области должно стать развитие инклюзивной инфраструктуры в городской местности, где, наряду с более высокой концентрацией детей с инвалидностью, также выше и сосредоточенность образовательных организаций. Именно государству отводится роль субъекта, который должен способствовать формированию доступной институциональной среды, где лица с инвалидностью не дискриминированы в своих шансах на приобретение через образовательную систему навыков и компетенций, необходимых для участия в трудовых отношениях. Во многом это означает пересмотр нормативных рамок, касающихся финансирования системы образования в отношении сопровождения обучающихся с инвалидностью.

Ключевым ограничением современной системы образования является то, что подушевое финансирование не учитывает индивидуальные особенности детей. С другой стороны, образовательным учреждениям дошкольного, школьного и профессионального образования необходимы специализированные квалифицированные кадры вроде дефектологов, психологов или социальных педагогов, которые обладают профессиональными компетенциями для сопровождения и включения лиц с инвалидностью в образовательный процесс. Основным вызов для системы образования состоит в том, что не все образовательные учреждения имеют достаточный бюджет для найма высококвалифицированных специалистов в данной области.

Тем не менее источниками финансирования в отношении совершенствования образовательной инфраструктуры и кадрового обеспечения под нужды обучающихся с инвалидностью могут являться не только государственные средства, но и средства, полученные образовательными организациями через дополнительные образовательные услуги, фандрайзинг или частное партнерство.

Данные замеров в национально-репрезентативной перспективе подтвердили, что дискриминация сопровождает детей и молодежь с инвалидностью на всех этапах получения общего и профессионального образования. Особенно заметна она на дошкольной стадии и этапе перехода от основной к средней школе, который приходится на 15–16 лет. Более того, существует устойчивая связь между вероятностью обучения в образовательной организации среднего профессионального или высшего образования для молодежи от 16 лет и среднедушевым доходом домохозяйства, когда при одном и том же уровне дохода вероятность получения профессионального образования и навыков, необходимых для успешной конкуренции на рынке труда, для молодых людей с инвалидностью на 20% ниже. Принимая во внимание, что 25% от всех детей и молодежи с инвалидностью живет за чертой бедности, институциональное включение этой когорты населения в систему образования и принятие мер, способствующих их выходу на рынок труда, позволит создать каналы для восходящей социальной мобильности и преодоления застойной бедности.

Литература / References

- Демьянова А.В., Лукьянова А.Л. (2016). Влияние статуса инвалидности на предложение труда в России. *Прикладная эконометрика* (4), 50–74. [Demianova, A. and Lukyanova, A. (2016). The impact of disability status on labor supply in Russia. *Applied Econometrics* (44), 50–74 (in Russian)].
- Косарецкий С.Г., Груничева И.Г., Гошин М.Е. (2016). Образовательная политика России конца 1980-х – начала 2000-х годов: декларации и практическое влияние на неравенство в общем образовании. *Мир России. Социология. Этнология* (4), 115–135. [Kosaretsky, S., Grunicheva, I. and Goshin, M. (2016). Russian educational policy of the late 1980s – early 2000s: Declarations and the actual impact on inequality in general education. *Universe of Russia. Sociology. Ethnology* (4), 115–135 (in Russian)].
- Косарецкий С.Г., Куприянов Б.В., Филиппова Д.С. (2015). Особенности участия детей в дополнительном образовании, обусловленные различиями в культурно-образовательном и имущественном статусе семей и месте проживания. *Вопросы образования* (1), 168–190. [Kosaretsky, S., Kupriyanov, B. and Filippova, D. (2015). Specific features of children involvement in supplementary education depending on cultural, educational and financial status of families and place of living. *Voprosy obrazovaniya / Educational Studies Moscow* (1), 168–190 (in Russian)].
- Косарецкий С.Г., Пинская М.А., Груничева И.Г. (2014). Проблемы бедности и доступа к образованию. Оценка ситуации в России и международный опыт. *Мир России. Социология. Этнология* (2), 133–153. [Kosaretsky, S., Pinskaya, M. and Grunicheva, I. (2014). Poverty and access to education: Russian situation and international experience. *Universe of Russia. Sociology. Ethnology* (2), 133–153 (in Russian)].
- Косякова Ю., Ястребов Г., Янбарисова Д., Куракин Д. (2016). Воспроизводство социального неравенства в российской образовательной системе. *Журнал социологии и социальной антропологии* (5), 76–97. [Kosyakova, Y., Yastrebov, G., Yanbarisova, D. and Kurakin, D. (2016). Reproduction of social inequality in the Russian educational system. *The Journal of Sociology and Social Anthropology* (5), 76–97 (in Russian)].
- Курбангалеева Е.Ш., Веретенников Д.Н. (2017). Доступность высшего профессионального образования инвалидам и лицам с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ). *Психологическая наука и образование* 22(1), 169–180. [Kurbangaleyeva, E. and Veretennikov, D. (2017). Accessibility of higher education for students with disabilities. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie = Psychological Science and Education* 22(1), 169–180 (in Russian)].
- Рощина Я.М. (2012). Семейный капитал как фактор образовательных возможностей российских школьников. *Вопросы образования* (1), 257–277. [Roshchina, Y. (2012). Family capital as a factor of educational opportunities for russian high school students. *Voprosy obrazovaniya / Educational Studies Moscow* (1), 257–277 (in Russian)].
- Хавестон Т., Чиркина Т. (2019). Образовательный выбор учащихся после 9-го и 11-го классов: сравнение первичных и вторичных эффектов социально-экономического положения семьи. *Журнал исследований социальной политики* 17(4), 539–554. [Khavenson, T. and Chirkina, T. (2019). Student educational choice after the 9th and 11th grades: Comparing the primary and secondary effects of family socioeconomic status. *The Journal of Social Policy Studies* 17(4), 539–554 (in Russian)].
- Хасанова Р.Р., Макаренцева А.О. (2018). Бедность инвалидов и домохозяйств с инвалидами. *ЭКО* (3), 44–59. [Khasanova, R. and Makarentseva, A. (2018). Poverty of disabled people and households. *ECO Journal* (3), 44–59 (in Russian)].
- Ярская-Смирнова Е.Р., Романов П.В. (2005). Доступность высшего образования для инвалидов. *Университетское управление: практика и анализ* (1), 89–99. [Yarskaya-Smirnova, E. and Romanov, P. (2005). Accessibility of higher education for disabled. *University Management: Practice and Analysis* (1), 89–99 (in Russian)].

- Black, M., Walker, S., Fernald, L. et. al. (2017). Early childhood development coming of age: Science through the life course. *The Lancet* **389**, 77–90.
- Heckman, J., Moon, S., Pinto, R., Savelyev, P. and Yavitz, A. (2010). The rate of return to the High Scope Perry Preschool Program. *Journal of Public Economics* **94**(1-2), 114–128.
- Hoogeveen, J. (2005). Measuring welfare for small but vulnerable groups: Poverty and disability in Uganda. *Journal of African Economies* **14**(4), 603–631.
- Mitra, S., Posarac, A. and Vick, B. (2013). Disability and poverty in developing countries: A multidimensional study. *World Development* **41**, 1–18.
- Mizunoya, S., Mitra, S. and Yamasaki, I. (2018). Disability and school attendance in 15 low- and middle-income countries. *World Development* **104**, 388–403.
- Palmer, M., Nguyen, T., Quach, Q., Dang, D., Hoang, H. and Berry, H. (2010). Disability measures as an indicator of poverty: A case study from Vietnam. *Journal of International Development* **24**, 53–68.
- Rischewski, D., Kuper, H., Atijosan, O., Simms, V., Jofret-Bonet, M., Foster, A. and Lavy, C. (2008). Poverty and musculoskeletal impairment in Rwanda. *Transactions of the Royal Society of Tropical Medicine and Hygiene* **102**(6), 608–617.
- Trani, J.-F. and Loeb, M. (2012). Poverty and disability: A vicious circle? Evidence from Afghanistan and Zambia. *Brown School Faculty Publications* 33.